

Андрей Матвеев

Цзиньу: Тени Хейгана

18+

Андрей Матвеев

Цзиньу: Тени Хэйгана

<https://litres.ru/74083638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он пришёл в Хэйган из пепла, почти не помня себя. За спиной — гибель родителей, разорванное детство и единственная улика: фамилия Линь на старой газетной вырезке. Он устраивается вышибалой в ночной клуб «Золотой лотос», чтобы войти в мир триад. Но случайность сводит его с Деллой — дочерью человека, чьё имя он ищет. Между ними рождается чувство, которое не должно было возникнуть. Пока Вэй продвигается вверх по иерархии преступного клана, он всё ближе подходит к правде о гибели отца. Но чем глубже он погружается в этот мир, тем сложнее становится ответить на вопрос: кто он теперь — мститель, телохранитель или уже часть того, с чем поклялся бороться? Хэйган, город запахов и теней, не прощает ошибок. И когда драконы просыпаются — пепел неизбежен.

Содержание

Предисловие.	4
Глава 1. Дом перламутровых драконов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Матвеев

Цзиньу: Тени Хэйгана

Предисловие.

*Когда ложное принимают за
истинное, истинное становится
ложным. Когда небытие обращается в
бытие, бытие обращается в небытие.*
Цао Сюэцин, «Сон в красном тереме» (XVIII век)

Говорят, что в старых кварталах Хэйгана, там, где море лижет ржавые сваи и туман не расходится даже к полудню, до сих пор рассказывают историю о Золотом Вороне.

Одни говорят — это всего лишь сказка, которой старухи пугают непослушных детей: мол, не ходи к воде, не заглядывай в чужие окна, не бери чужого золота — придёт трёхлапая птица и заберёт тебя в небо. Другие верят, что Цзиньу и вправду прилетает. Что он не сказка, а закон. Что он является туда, где слишком долго спали в богатстве и не слышали чужих слёз.

Эта история — о человеке, который пришёл в Хэйган из пепла. Он не помнил ни имени своего, ни рода. Он был как камень у входа в мир: твёрдый, молчаливый, лишённый про-

шлого. Он пришёл в город запахов и теней, чтобы вспомнить.

Это история о доме, где на стенах извивались перламутровые драконы. О доме, который стоял на золоте и крови. О доме, которому суждено было обратиться в пепел, — но никто из живущих в нём ещё не знал об этом.

Это история о любви, которая расцветает не вовремя. О женщине, вернувшейся из-за моря. О мужчине, который не имеет права чувствовать, но чувствует.

Это история о сне. Потому что всё — и богатство, и месть, и нежность, и страх — лишь сон в красном тереме. Мы видим его, пока не проснёмся. А пробуждение бывает горьким.

И ещё говорят: тот, кто ищет пепел, найдёт огонь. Тот, кто ищет тени, найдёт солнце. Тот, кто входит в дом с драконами, должен помнить: драконы умеют просыпаться.

Таково начало истории о Цзинью — Золотом Вороне, трёхлапом духе возмездия.

Таково начало истории о тенях Хэйгана.

Глава 1. Дом перламутровых драконов

Паром вошёл в бухту, когда солнце ещё не пробило туман. Он шёл медленно, разрезая стальную воду, и с каждым метром город вырастал из дымки — сначала крыши, потом башни, потом целые кварталы, спускающиеся к воде. Воздух стал другим. В нём смешались соль, дизель, сырость камней и что-то сладкое, почти неуловимое — благовония из старого храма, запах сушёной рыбы с лотков, жареного теста, мокрого бамбука. Запах, который нельзя описать, но можно узнать. Бухта ароматов.

Вонг Вэй стоял у перил, держась за металл, от которого пальцы немели, и смотрел на город, который приближался. Он не знал его. Но внутри, в том месте, где живут сны, что-то шевелилось. Он не мог сказать, помнит ли он этот берег. Может быть, он видел его во сне.

Паром загудел. Где-то на причале закричали чайки. Город приближался — шумный, тёплый, чужой. Вэй смотрел на него и думал: как здесь жил его отец? Как здесь пахло, когда он был маленьким? Он не знал ответов. Но он был в этом городе, и это было началом.

Он стоял у перил до тех пор, пока паром не ткнулся носом в причал.

Вонг Вэй сошёл на берег. Вокруг — крики носильщиков, стук колёс по камням, женский голос, продающий что-то непонятное. Он пошёл вперёд, не зная, куда, но ноги несли его сами. Город просыпался, не обращая на него внимания.

Вэй смотрел по сторонам. Выцветшие вывески, облупившиеся стены, люди на велосипедах. Женщина открывала ставни. Где-то плакал ребёнок. Где-то кричали птицы.

Потом он увидел полицейского.

Тот стоял у входа в здание, курил, глядя в море. Молодой, с усталым лицом. Вонг Вэй остановился. Он не знал, почему. Просто форма. Может быть, отец был таким. Может быть, он стоял так же, когда ждал кого-то. Он не знал. Он никогда не видел отца взрослым.

Он пошёл дальше.

Вэй вспомнил, как впервые открыл ту коробку. Это было через несколько недель после похорон приёмного отца. Дом опустел. Он сидел на полу и разбирал вещи, потому что больше нечем было занять руки. Коробка стояла в углу, под слоем пыли.

Вонг Вэй открыл её. Достал фотографию. Мужчина в форме, женщина с улыбкой, маленький мальчик. Он не знал их лиц. Но в улыбке женщины было что-то, от чего у него перехватило дыхание. Он перевернул снимок. На обороте — его имя. Его имя, написанное чужой рукой.

Он нашёл газетные вырезки. Старые, жёлтые. Заголовки, которые он перечитывал снова и снова. Полицейский и его

жена погибли в автомобиле. Взрыв. Расследование. Фамилия на одной из вырезок — Линь. Без объяснений, без доказательств. Просто рядом.

Вэй сидел на полу и смотрел на всё это. Он не плакал. Он не злился. Он просто смотрел на лица, которые были его, но которых он не помнил. И думал: почему приёмный отец ничего не рассказывал ему? Почему увёз его из Хэйгана, назвал другим именем и никогда не возвращался?

Он не нашёл ответов. Но в ту ночь, засыпая, Вэй впервые увидел во сне канарейку. Она пела. Он стоял с кем-то и смотрел на клетку. Кто-то смеялся. Свет падал сквозь решётку, и птица пела.

Вонг Вэй проснулся с чувством, что должен вернуться. Теперь он здесь.

Он остановился на углу, перевёл дыхание, посмотрел на небо. Где-то впереди, за домами, виднелся холм. Вэй пошёл туда.

Гостиница оказалась потрёпанной — частью узкого ряда домов, прижатых друг к другу. С улицы она казалась ещё уже, чем была на самом деле: узкий фасад, балконы с железными решётками и нависающие над тротуаром вывески, которые почти не пропускали свет. Внутри пахло старой штукатуркой и дешёвым благовонием. Лестница скрипела, перила были стёрты тысячами рук. Комната оказалась тесной, с высоким потолком и маленьким окном, выходившим в ко-

лодец внутреннего двора, где на верёвках сушилось бельё. Отсюда не было видно неба — только стены соседних домов, покрытые пятнами сырости и старой краской. Вонг Вэй бросил рюкзак на кровать, сел на край, посмотрел на щель между домами. Потом умылся ледяной водой и вышел.

Он начал ходить по городу. Не как турист — он запоминал улицы, повороты, вывески. Где шумно, где тихо. Где стоят дорогие машины, где — старые грузовики.

Как-то раз он свернул на рыбный рынок. С утра здесь былолюдно: продавцы кричали, взвешивали, резали, бросали лёд в ящики. В воздухе висела смесь соли, йода и влажной рыбы. Осьминоги на прилавках были разными: одни — бледно-розовые, почти полупрозрачные, с едва заметными крапинками на щупальцах; другие — тёмно-бордовые, плотные, с влажной кожей, которая отсвечивала на свету. В груде панцирей лежали лангусты — оранжево-красные, с длинными усами, переплетёнными в тугие клубки. Кто-то перебирал их руками, отбрасывая в сторону, кто-то торговался, не глядя в лицо продавцу. Вэй прошёл сквозь толпу, не останавливаясь. Он не покупал. Он смотрел.

Он искал место, где можно было бы быть незаметным и одновременно видеть тех, кто приходит и уходит. Потому что он знал: чтобы подобраться к Линю, нужно войти в его мир. А этот мир начинается здесь — на рынках, в клубах, на задворках, где люди не говорят вслух, но всё видят.

Клуб назывался «Золотой лотос». Неоновая вывеска горе-

ла даже днём. Он начал заходить туда как посетитель — сидел у стойки, заказывал виски, слушал разговоры. Бармены привыкли к нему, начали кивать. Он не задавал вопросов.

Однажды он пришёл днём. В баре было тихо — только трое парней за дальним столиком. Пьяные, шумные. Один из них встал, шатаясь, сбросил бутылку. Она разбилась. Официант подошёл, что-то сказал. Парень толкнул его. Потом схватил стул и швырнул в стену.

Вонг Вэй сидел у стойки, не двигаясь. Когда один из парней направился к бармену, он встал. Подошёл ближе — и ударил первого коротко, резко, в челюсть. Второй попытался ударить — он ушёл в сторону, ударил по корпусу. Третий кинулся с бутылкой. Вонг Вэй блокировал, развернулся, удар в корпус. Двое лежали, третий стоял на коленях.

На шум вышел крупный мужчина в чёрной рубашке. Посмотрел на разбитые стулья, на парней, на Вонг Вэя. Потом на бармена. Подошёл ближе.

— Твоя работа? — спросил он.

— Он их успокоил, — сказал бармен.

Мужчина посмотрел на Вонг Вэя.

— Имя?

— Вэй.

Мужчина помолчал. Кивнул.

— Приходи завтра в восемь.

Он развернулся и ушёл в служебное помещение. Вонг Вэй вышел на улицу. Неон горел ровно, без мигания.

Прошло несколько месяцев. Вэй привык к клубу. Он знал, когда приезжают машины, кто сидит в каких кабинетах, как пахнет утро после закрытия — смесью табака и спиртного. Он стоял у входа, проверял билеты, выводил пьяных, запоминал лица. Работа была однообразной, но он не искал в ней смысла. Он ждал.

Однажды Кван позвал его в кабинет.

— Твой напарник заболел, — сказал он без предисловия. — Сегодня прилетает дочь хозяина. Из Лондона. Её зовут Делла. Встретишь в аэропорту, отвезёшь домой.

Он помолчал, посмотрел в окно.

— Не нравится мне это. Постоянный водитель — и вдруг слечь. Просто так не бывает. Проследи, чтобы с ней ничего не случилось.

Вэй кивнул. Кван протянул ему бумажку с рейсом и временем.

— Не опоздай.

В аэропорту пахло дешёвым пластиком, перегретым кофе и стерильной чистотой, которая казалась Вэю чужой. Он стоял у выхода, сжимая в пальцах картонную табличку с её именем так, будто она могла подсказать ему, как себя вести. Он не знал, как выглядит Делла. Знал только имя и то, что она приехала из Лондона — места, которое для него было таким же далёким, как другая планета.

Она вышла из стеклянных дверей, когда толпа уже почти схлынула. Шла медленно, с лёгкой усталостью в плечах, но держалась прямо. На ней был светлый плащ, волосы собраны на затылке, в руке — кожаная сумка. Она остановилась на мгновение, оглядела зал, и её взгляд на секунду задержался на Вэе. Не на табличке — на нём. Он не понял, что это был за взгляд. Усталость или недоверие.

Он шагнул к ней.

— Делла?

— Да.

— Я от Квана. Вас проводить до машины.

Она посмотрела на него чуть дольше, чем нужно. Потом кивнула и пошла вперёд, не оборачиваясь. Вэй подхватил её сумку, сказал на ходу:

— Машина на парковке.

— Я знаю, — ответила она. — Я здесь выросла.

Они вышли из здания. Вэй открыл заднюю дверь машины, но она не села на заднее сиденье. Она обошла машину и села на переднее пассажирское.

— Я не люблю, когда меня везут сзади, — сказала она, застёгивая ремень.

Вэй сел за руль, завёл двигатель. Они выехали с парковки, и только тогда она повернулась к нему.

— Вы новенький?

— Работаю в клубе, — сказал он. — Полгода.

— Значит, вы не знаете моего отца.

— Нет.

Она отвернулась к окну. Город проплывал за стеклом — старые здания, неоновые вывески, мокрый асфальт. Она смотрела на него так, как будто видела впервые.

— Я давно не была здесь, — сказала она тихо. — Хэйган не изменился.

— А вы изменились?

Она повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, настороженность.

— Что вы имеете в виду?

— Вы приехали из Лондона, — сказал Вэй. — Значит, там осталось что-то важное. Или кто-то. Но вы вернулись.

Она долго молчала. Машина свернула на набережную. Солнце уже садилось, и Хэйган начинал зажигаться огнями.

— Я вернулась, потому что у меня есть дело, — сказала она наконец. — К отцу оно не имеет отношения.

Напарник Вэя так и не вернулся. Кван сказал, что тот всё ещё болеет, но Вэй не спрашивал подробностей. Он возил Деллу почти каждый день: то в офис, то в суд, то в старые кварталы, где она искала какие-то архивы. Она не объясняла, зачем. Он не спрашивал.

Но постепенно он заметил, что она не такая, как он думал сначала.

Она могла молчать всю дорогу, глядя в окно, а потом

вдруг попросить свернуть в переулок, где продавали жареную лапшу, и выйти из машины, не дожидаясь его согласия. У лотка с лапшой она купила две порции, протянула одну ему. — Ешь. Ты же не ел с утра, — сказала она, будто это было самой очевидной вещью в мире. Он неловко взял палочки, попробовал подхватить лапшу. Она рассмеялась — не насмешливо, а легко, и этот смех на секунду стёр с его плеч тяжесть дня. Пока он пытался есть, стоя на тротуаре, ему вдруг показалось, что он снова мальчишка, которому ничего не надо объяснять.

Иногда могла попросить отвезти её на берег, туда, где старые склады упираются в воду, и сидеть там полчаса, молча глядя на море. Она не говорила, о чём думает. Но он чувствовал, что там, в этих паузах, есть что-то, что она не говорит никому.

Вэй привык к её ритму. Она не любила, когда её везли прямо. Она любила петлять, заезжать в тесные кварталы, останавливаться у лотков, где пахло соевым соусом и жареным луком. Однажды она попросила свернуть в запущенный парк, тот, что на склоне холма, — с кривыми дорожками, высокими пальмами и прудами, где вода казалась почти чёрной от тени старых деревьев.

Они вошли через кованые ворота, и шум города сразу отступил. Дорожки вились между густыми кустами, где из-под листвы выглядывали каменные скамьи. В пруду, у самого берега, плавали карпы — оранжевые, белые, с чёрными пятна-

ми, медленно шевелили плавниками в тёплой, мутной воде. Делла остановилась у воды и потянулась к сумке. Пальцы её двигались быстро, по памяти: она достала бумажный пакет, надорвала край, будто делала это тысячу раз.

Она кинула горсть крошек в воду. Птицы слетелись сразу — утки, серые и белые, с влажными блестящими перьями. Они толкались, вытягивали шеи, хватали крошки с поверхности, пока карпы кружили под ними, подбирая то, что опускалось на дно. Делла улыбнулась. Впервые за всё время Вэй видел её такой — без напряжения, без защитной стены.

— Здесь я гуляла с матерью, — сказала она негромко. — Она любила этот пруд. Говорила, что рыбы и птицы никогда не ссорятся. Просто живут рядом. Им не нужно объяснять, кто они.

Вэй молчал. Смотрел на воду, на рябь, которая расходилась кругами от крошек. Он не знал, что ответить. И не хотел нарушать тишину.

Они шли по аллее. Вэй держал руки в карманах, смотрел вперёд. Она шла рядом, чуть ближе, чем требовалось.

— Ты не спрашиваешь, — сказала она через минуту.

— О чём?

— О моей матери. О том, как она умерла. Все спрашивают.

— Я не все.

Она остановилась. Посмотрела на него внимательно, как в первый раз в аэропорту.

— А ты не хочешь знать?

— Хочу, — сказал он. — Но не сейчас.

Она не стала настаивать.

Она сама решала, где они будут есть. Она знала все уличные лотки в старом городе — где лучшая лапша, где самые свежие пельмени, где хозяйка не обвешивает. Она брала палочки и ела быстро, как ребёнок, который боится, что у него отнимут тарелку. Вэй смотрел на неё и почти улыбался.

— Ты смешной, — сказала она однажды, заметив его взгляд.

— Почему?

— Когда ты так смотришь, ты не похож на охранника. Ты похож на человека, который не знает, что делать с тем, что видит.

Он не ответил. Но запомнил.

Они часто заезжали на набережную. Делла выходила из машины, садилась на каменный парапет, смотрела на море. Вэй оставался в машине, но она всегда махала ему рукой, чтобы он вышел.

— Я хочу, чтобы ты сидел рядом, — говорила она.

Он садился. Они молчали. Ветер дул с моря, волны били о камни. И в этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре.

Однажды они стояли на пирсе. У Вэя в руках был бумаж-

ный кулёк с жареными креветками в тесте, которые Делла купила у лотка у входа. Она посмеялась, когда он взял одну, сказала, что он всё ещё ест как ребёнок.

Он не успел ответить. Сверху, почти беззвучно, на него спикировала чайка — серая, с хищным изгибом крыла. Когти скользнули по кульку, и он дёрнул рукой, но было поздно: птица уже выхватила креветку и унеслась в сторону моря, оставив его с пустыми пальцами и разорванным кульком.

Делла рассмеялась — звонко, от души, как будто не смеялась очень давно.

— И ты ещё говорил, что умеешь защищать, — сказала она, вытирая глаза. — От чайки не спас.

Вэй посмотрел на неё. На её смех, на её лицо, которое вдруг стало молодым и лёгким.

— Я просто не ожидал атаки с воздуха, — сказал он.

Она улыбнулась, подошла ближе, обернулась и поправила ему воротник. Просто так. Без повода. Он не отстранился. Она улыбнулась и пошла к машине.

Он не нарушал правил. Но чувствовал, что правила начинают меняться внутри него, когда она смотрит на него так, как смотрела тогда, на набережной.

Вэй всегда заранее предупреждал Квана, куда они направляются. Короткие сообщения, без лишних слов. Он знал, что машина охраны держится в двух кварталах, что за ними сле-

дят, но не мешают. Делла не замечала этого. Или делала вид, что не замечает.

Кван имел привычку постукивать пальцами по столу, когда думал. Чёрные рубашки всегда были свежими, даже в конце смены. На левом запястье у него был старый шрам — ровный, как след от ножа. Вэй заметил его в первый день, когда Кван протянул ему ключи.

У бармена в «Золотом лотосе» — дяди Ли — были мягкие руки и тяжёлые веки. Он никогда не улыбался, но глаза его смеялись. Он знал всё о каждом, кто входил в клуб: кто с кем, кто кому должен, кого лучше не трогать. Он не задавал вопросов Вэю. И Вэй не задавал ему вопросов.

А когда в клубе появлялся Линь — это чувствовали все. Он не говорил громко, не хлопал дверьми. Он просто входил, и воздух становился плотнее. Вэй видел его несколько раз до той встречи в кабинете. Видел, как он проходит через зал, как его провожают взглядами, как официанты замирают на секунду, когда он проходит мимо. Линь носил часы на правой руке — старые, с потёртым ремешком. И всегда смотрел на них в середине разговора, будто проверял, не слишком ли много времени он уделяет собеседнику.

Он возил её по городу, но в свободные часы искал другое. Он помнил адрес, который нашёл в вырезках. Кладбище было старым, на холме, за домами. Он потратил несколько

дней, чтобы найти его среди переулков и бетонных стен.

Он нашёл могилу в тот день, когда Делла была занята в суде. Она стояла в тени старого дерева, с плитой цвета мокрого камня и двумя именами. Тех, кого он не помнил. Тех, кого он никогда не знал.

Вэй остановился. Посмотрел на камень. На даты. На следы дождя на граните. И вдруг увидел цветы. Они были свежими. Кто-то принёс их недавно — может быть, сегодня утром.

Опустился на корточки, посмотрел на стебли. Без записки. Без имени. Только цветы, которые кто-то оставил. Он оглянулся вокруг, но рядом никого не было.

Он стоял на коленях, глядя на могилу, и не знал, что чувствует. Горечь. Пустоту. Или странное облегчение от того, что кто-то помнит их не только он.

Вонг не знал, кто это был. Но он знал, что этот человек есть в этом городе. И что он, возможно, знает больше, чем Вэй.

Однажды, когда он сидел на камне у могилы, он почувствовал взгляд. Спиной — там, где дорожка уходила к старой стене. Он обернулся.

На дорожке стоял пожилой человек. Невысокий, в тёмном пальто, с седыми волосами. Он смотрел на Вэя, не мигая.

Вэй встал. Человек не двинулся с места.

— Ты похож на отца, — сказал он. — Сильно.

Он перевёл взгляд на могилу, помолчал.

— Я знал их. Хорошие были люди.

Вэй молчал. Человек снова посмотрел на него.

— Если хочешь узнать о своём отце, — сказал он, — приходи ко мне. Я держу мастерскую на Птичьей улице в Старом городе. Спроси Шифу — там меня все знают.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и пошёл по дорожке. Вэй смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась за поворотом.

Прошло несколько дней. Вэй вернулся в клуб, но мысли его были заняты другим — стариком на кладбище, его словами, адресом на Птичьей улице. Он почти не спал, перебирал в голове каждую фразу, каждую паузу.

А потом Кван снова вызвал его в кабинет.

— Твой напарник опять заболел, — сказал он без предисловия. — Странно. Он болел редко, а теперь — второй раз за месяц.

Он помолчал, посмотрел на Вэя поверх стола.

— Слишком часто он стал болеть. Завтра поедешь с Деллой.

Вэй кивнул, уже собираясь выйти, но Кван остановил его.

— Постой. Ты, кстати, по фамилии кто?

Вэй замер на мгновение.

— Вонг, — сказал он. — Вонг Вэй.

Кван кивнул, как будто запоминая, и махнул рукой, отпуская.

Вэй вышел в коридор. Сердце билось ровно, но в голове уже что-то начало складываться. Кван запомнил его фамилию. И это был не просто вопрос.

Однажды, когда он вёз Деллу через город, они застряли в плотном потоке. Машина охраны отстала на светофоре — Вэй видел её в зеркале, но та не успела проскочить, и зелёный загорелся только для них. Он выехал на пустой участок дороги, когда сбоку из переулка вылетел чёрный седан. Тот подрезал их, ударил по тормозам. Второй — с другой стороны — блокировал выезд.

Делла не успела ничего сказать. Вэй ударил по газам, развернул машину, бросил её вперёд — и ударил в бок чёрного седана. Тот вильнул, но не отстал. Вэй выжал педаль, рванул руль, проскочил между двумя столбами и вылетел на набережную. За ними было пусто.

Они остановились через несколько кварталов. Делла сидела неподвижно, глядя вперёд. Потом перевела дыхание.

— Откуда ты это умеешь? — спросила она тихо.

Вэй не ответил. Он держал руки на руле, смотрел в зеркало заднего вида, где пустела дорога. Он и сам не знал, откуда это пришло. Просто сработало — быстрее, чем он успел подумать.

Она не стала спрашивать снова.

Кван встретил их у входа в дом отца Деллы. Он был бле-

ден, но держался ровно. Сказал, что доложил хозяину. И что тот хочет увидеть Вэя.

Они прошли через холл. Стены были обшиты тёмным деревом, с резными панелями, где среди облаков вились длинные драконы. Глаза у них были инкрустированы перламутром, и, когда свет падал под определённым углом, они переливались холодными радужными бликами. Вдоль стен стояли высокие вазы с тёмной глазурью. Здесь не было портретов. Здесь были знаки.

В кабинете ждал человек. Немолодой, сухой, с тяжёлым взглядом. Он сидел за столом и, когда Вэй вошёл, медленно поднял голову.

— Так это ты её спас, — сказал он.

Вэй стоял в дверях. И в этот момент он понял, что видит того, чьё имя было в вырезке.

— Моя фамилия Линь, — сказал человек. — Я отец Деллы. И я хочу знать, кто ты.

Вэй не ответил сразу. Он смотрел на него. На лицо, которое он не знал, но которое искал.

— Вонг Вэй, — сказал он наконец. — Я работаю в клубе. Линь изучал его взглядом. Потом кивнул.

— Ты останешься с нами, — сказал он. — Делле нужен кто-то, кому можно доверять. Ты будешь работать на меня.

Вэй кивнул. И понял, что теперь он там, где хотел быть. Внутри.

Он вышел из кабинета и остановился в пустом холле. Сердце билось ровно, но внутри было странное чувство — не победы, не страха, а тихой пустоты. Он только что стоял перед человеком, который разрушил его жизнь. И тот не знал, кто он. Вэй сжал пальцы в кулак, разжал. Он был внутри. Но теперь, когда он оказался там, он не знал, что делать с этой близостью. Она не приносила облегчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.